

Александр Головин

Золотой запас

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Головин А.

Золотой запас / А. Головин — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Невероятные приключения чиновника и его супруги, ставших обладателями большого наследства. В ироничной форме автор описывает персонажи современности. Сюжет - плод воображения автора. Все совпадения; имена, персонажи, места действия случайны и не могут нести последствий для автора.

1.

– Виктор Иванович, из приюта «Родник» звонят, просят соединить.

– Скажи – совещание, – хозяин кабинета вынырнув из виртуального мира новомодной игрушки отвлекся от монитора, установленного на рабочий стол личного ноутбука, – опять что-нибудь просить будут, пусть письмо направляют.

Проводив взглядом скрывающуюся за дверью слегка располневшую, но не утратившую былой привлекательности секретаршу, Виктор Иванович предался романтическим грезам. Дверь вновь открылась, появившаяся в проеме размалеванная голова Зины прервала ход приятных мыслей.

– Вить, говорят – отец при смерти, – секретарша замерла в ожидании дальнейших распоряжений.

Виктор Иванович потянулся за трубкой. Странно, сожаление не коснулось сердца сидящего сына, скорее он почувствовал облегчение возможного избавления от одной из забот.

– Сомский у телефона.

– Здравствуйте, Виктор Иванович, вынуждена Вам сообщить, что Ваш отец в крайне тяжелом состоянии, очень хочет вас видеть, – начал трескучий явно старушечий голос.

– Он уже давно в таком состоянии.

– Врач сказал: день, от силы два протянет, – нисколько не смутившись прервавшей его репликой, продолжил голос, – Иван Аронович периодически приходит в сознание, находясь в предсмертном состоянии, он не желает покидать суетный мир, не попрощавшись с Вами. Зовет Вас, желая проститься. Памятуя о сыновнем долге, Вы должны...

– Хорошо, сегодня выезжаю. – Виктор Иванович нажал «отбой», прервав трескучий монолог. Положил трубку.

Откинувшись на спинку уютного кресла, предался размышлениям о предстоящих расходах. Необходимость куда-то ехать, что-то делать в связи с отправкой родителя в последний путь не рассматривалась. Опустив взгляд с потолка на ожидающую распоряжений секретаршу, встал, подошел к двери.

– Виктор Иванович, сегодня поедете? – опять перешла на официальный тон Зина.

– Да, Зинаида, оформи командировку, – рукой увлек ее в кабинет, другой привычно захлопнул дверь и повернул замок. – Видишь, как мне тяжело...

Через час с командировочным удостоверением в город Еренск для передачи передового опыта, внедрения новых нормативных актов и снижения аварийности на производстве безутешный сын направился домой на служебной «Камри». Отпустив водителя домой, ждать дальнейших распоряжений, взлетел на скоростном лифте на предпоследний этаж элитной 20-ти этажной «свечки». С трудом вставившаяся в кресло Наталья Викторовна – супруга, номинально директор, по факту хозяйка двух салонов элитной одежды, как обычно зависала в бесконечном сериале с неотрывной телефонной трубкой у уха. Она, транслировала подруге события многосерийной мыльной оперы в онлайн режиме с экрана огромной плазмы установленной, напротив. На секундочку, оторвавшись от репортажа, томно промурлыкала:

– Котик, ты что, сегодня так рано?

– Отец помирает, просил приехать.

– Ах... Бедолага, сколько ж ему уж мучиться-то, – решив, что выразила достаточно соболезнований продолжила репортаж. Махнула рукой в сторону столовой со словами, – Елизавета пирожки с печенкой приготовила, как ты любишь. Иди, еще горячие.

На кухне, наполненной ароматом свежей выпечки, Виктор Иванович, разместился за столом с горкой пирожков, любовно прикрытых салфеткой. Восполняя потраченные во благо общества калории стряпней домработницы, предался размышлениям,

Ехать не хотелось. Используя «отмазку» для жены, да и на работе сочувственно, с пониманием оформили служебную командировку. Можно было за счет конторы, недельку славно

оттянуться. Виктор Иванович рассматривал вариант вояжа с Вероникой. Пылкая любовница на его содержании, с которой он познакомился на конкурсе красоты. Как член жюри, дал ей тогда высший бал, обнадеженный похотливой улыбкой конкурсантки.

Уже обдумывая детали предстоящего пятидневного тура, верстая смету дополнительных расходов, Виктор Иванович хрустнул зубом. Выплюнув на стеклянную крышку стола пережеванную кашу, разгреб пальцем. Обнаружил крохотный невесть откуда взявшийся в пирожке мутно-прозрачный камешек и осколок зуба. Языком ощупав острую грань надломленного зуба, в сердцах бросил надкусанный пирожок обратно в вазу. Щупая острую грань сколотого зуба мизинцем, с удивлением обнаружил, что утвердился в желании ехать в Еренск к отцу, и немедленно.

Известив свою вторую половину о сломанном зубе, недобро высказавшись в адрес Елизаветы, и о принятом решении выехать в Еренск немедленно, спросил совета. Как и следовало ожидать, супруге не пришлось долго уговаривать мужа, пугая дальней дорогой, ехать с утра. Утром, получив благословение от второй половины, Виктор Иванович на час раньше, чем обычно – в 7-30, уселся на заднее сиденье служебной «Камри», поджидавшей у подъезда.

В 15-40 он был в кабинете грузного заведующего пансионатом, с которым оговорил предстоящие расходы по отправке еще живого папаши в последний путь. Осадив непомерный аппетит алчного заведующего, значительно снизил, к своему удовольствию, первоначальную стоимость услуги. Скрепили договор подобающим случаем коньяком. Заведующий посоветовавшись с визитером, выбрал напиток из ряда разнокалиберных бутылок, заполнявших две полки огромного бара, вделанного в стенку кабинета, отремонтированного в стиле «ампир». Сергей Николаевич, изначально предложивший в двое завышенную цену погребения, удовлетворенный снижением цены всего на 14,6% от заявленной, с удовольствием наполнил бокалы. Сам провел его в палату к умирающему родителю. Шел впереди, ледоколом прокладывая себе путь меж спящих по коридору престарелых постояльцев, преимущественно женского пола в серых халатах, спотыкающихся о края протертого до дыр местами залатанного линолеума. По дороге поведал, что исключительно благодаря его усилиям, квалифицированному уходу, Иван Аронович прожил пять лет. Упомянул, что после постигшего его сердечного приступа, случившегося вскоре после последнего визита Виктора Ивановича, не живут и более полугода.

У кровати узкой одноместной палаты с облупившейся кое-где краской стен, сунув нос с очками в истрепанную книгу, что-то бубнила старуха. Маленькая, с обозначившимися лопатками и позвоночником под обвисшим, серым халатом на сгорбленном над книгой костлявом теле.

– А-а, явился, он только и живет тем, чтоб тебя увидеть, – знакомый скрип по телефонному разговору наполнил палату, – почитай уж шастой год не появлялся. Она садись, в сознании ишо, – старуха, закрыв книгу, неожиданно шустро поднялась, уступая ему место. Передвинула стул ближе к изголовью умирающего, и со словами – «Деточки... Господи! И откуда такие берутся», – вышла из палаты, по пути заправляя под косынку вылезшую седую прядь волос. Вслед за ней вышел заведующий, оставив его одного.

В черепе, обтянутом желтой с землистыми пятнами кожей с трудом узнавались знакомые черты. Восковые веки дернулись, в Виктора Ивановича впились на удивление ясные глаза с магической силой питона.

– Приехал, – прошипел голос, словно через сухую трубу водостока. – Вижу плохо..., скажи что-нибудь.

– Здравствуй, папа.

– Па-па, – глаза умирающего прикрылись, словно эти слова ему дались с огромным трудом. – Па-па, – повторил смакуя, – ну да бог с тобой.

– Пап, я поговорил с заведующим...

– Не таракти... Дом продал?

– Нет, – Виктор Иванович, продавший дом по настоянию супруги более двух лет назад, отвел взгляд в сторону, – ты ж не велел.

– Чую – врешь. Ну и дурак, коли так.

– Пап...

– Не таракти, слушай, – вздохнув со свистяще булькающим звуком, продолжил. – Рельс в сарае, на котором ты мои капсюли шлепал да гвозди правил, на месте?

– Да... – честно соврал Виктор Иванович, чувствуя шевеление волос на голове.

– Оголовок я засверлил, там один брюлик почти на пять карат. 31 – более двух карат, все чистой воды, не считая мелочи. Больше 3 карат не брал, чтоб не засветиться. Залил воском и заварил.

В краткий миг перед глазами ошарашенного наследника вспыхнули лучики рассыпающихся алмазов. Бриллиантовый дождь, осыпавший томных длинноногих кокеток, позирующих в самых аппетитных позах. Искры бриллиантовой пыли, наполняющие с ветром бугрящиеся паруса яхты. Он даже ощутил вкус морских брызг, и солнце, много солнца. Очарованный видением, Виктор Иванович прищурился, ослепленный его лучами. Тяжелое сипение, не похожее на скрип мачты, дыхание отца вывело его из эйфории владения внезапно обретенным богатством.

– Так, что ж ты не сказал?

– Сначала нельзя было, а потом..., потом..., – Иван Аронович прервался, собираясь с силами. – Кому? Ты родовую фамилию поменял. Цилмасов, наш род, выходит, на мне пресекается, – восковые веки устало прикрылись, Иван Аронович продолжил. – Мать угробил..., чураться..., даже из тюрьмы меня не встретил, сюда, вот третий раз приехал, за 7 лет.

– Пап...

– Не таракти, – со свистом вздохнув, опять вперив буравчики глаз в лицо сына, продолжил, – лом золотой, цепи... все переплавил. Все ручки со львами в доме – из золота.

Виктор вспомнил неудобные массивные ручки-кноб с частью слезшей фальшивой позолоты, обнажившей серую дюраль дешевки. Мать не раз просила отца поменять этот анахронизм на более удобные, неизменно получала отказ. Потом, как Ивана Ароновича посадили, влупив 15 лет, только плакала да моталась к нему каждый месяц. Дом совсем забросила и ручки остались.

– Папочка, так ты ...

– Не таракти..., па-по-чка..., хоть похорони по-человечески. – Повторил, прикрыв глаза, словно наслаждаясь, – па-по-чка, – продолжил. – Рядом с Лизой похорони. – неожиданно твердо приказал. – Рядом с моей Елизаветой похорони! – Видимо, исчерпав силы, с трудом выдавил из себя булькающий кашель. Вспыхнув глазами продолжил, – самое главное..., в коло... – Иван Аронович глубоко вздохнул. Булькая, попытался выдавить из себя, – в коло..., под кры..., тру..., там..., все там, тру...пшш..., – зашипел, выпуская последний воздух с кровавой пеной из себя.

– Папа, где!? – в неистовстве схватив за иссохшие плечи, потрянул отца Виктор Иванович. – Папочка, что? Ну где...!? Скажи...!

– Преставился, – скрипучий голос вывел безутешного сына из скорбного транса. Вынырнувшая из-за спины наследника старуха сухой рукой провела по лицу Иван Ароновича, прикрыв веками прожигаящие душу непутевого наследника остекленевшие глаза покойника. Кресться проскрипела, – господи, упокой его душу грешную.

Добавив к оговоренной сумме заведующему 150 рублей на венок, Виктор Иванович вышел из заведения. Уединившись под сенью разлапистой березы на шербоатой асфальтовой дорожке. Сразу за углом обшарпанного со слезшей местами штукатуркой главного корпуса пансионата, позвонил по сотовому супруге. На его счастье телефон не был занят.

– Иван Аронович помер.

- Ох! Бедненький, ты хоть успел проститься с ним?
- Успел. Сколько дома наличности?
- Штук двадцать в баксах и тысяч сто рублями.
- Срочно иди в банк и сними два «лимона» со счета, лучше три.
- У меня столько нет.
- А куда они делись? Собственно, не важно, займи у своего отца.
- Котик, а ты знаешь, сколько сейчас времени?!
- Да, банк работает до шести, у тебя почти час.
- К чему такая спешка?
- Приеду – все объясню, все, больше говорить не могу.

Отключив телефон, наследник направился к машине, растолкал дремавшего водителя, приказав гнать домой, в силу изменившихся обстоятельств.

2.

По стране во всю грохотала перестройка, ломая привычные устои граждан. Приватизация открывала неограниченные возможности для людей ухватистых. К данной категории причислял себя директор Горторга и полновластный хозяин Горторговской базы, Иван Аронович Цилмасов. Он давно дожидался перемен для реализации далеко идущих планов и дождался следователей.

История началась с обычных посиделок в сауне оздоровительного комплекса, выстроенного Иваном Ароновичем на территории собственной базы. Он, прихватизировал Горторговскую базу при первой возможности вместе со всем еще не разворованным содержимым. По заведенной традиции, как обычно в пятницу, в сауне собрались сливки общества города Эменска. Обсудить дела текущие, отдохнуть от трудов праведных, в том числе, прокурор Иван Саидович.

Инцидент произошел из-за сущей безделицы.

В город почти до центра, клином врезалась сосновая роща, излюбленное место отдыха жителей города. По чьей-то оплошности роще был придан статус заповедника. За сим хозяйством надзирал нелюдимый, безбашенный лесник Егорыч, по слухам друг «Самого» из конторы. Егорыч, по недосмотру, назначенный на доходное место, отнесся к своим обязанностям с неподобающим должностному рвению. Даже сломанная ветка грозила виновному серьезными последствиями. Отловленные им более серьезные нарушители подвергались репрессиям, независимо от ранга и должности. Мало того используя непонятные связи он не оставлял виновника своим вниманием. Чтоб уберечь нужных людей, приходилось для него стряпать приказы о наказании. Успокоенный таким образом лесничий, неизменно подшивал их к своим отчетам. Далее отчеты цензурировались на подконтрольном этапе, приказы изымались.

В связи с изменившейся политической ситуацией решили договориться. Проинструктивровав, снарядили из мэрии солидного начальника одного из многочисленных отделов. Радужно встреченный Егорычем парламентар был препровожден вникшим в суть вопроса хозяином из заимки таким увесистым пинком, что пролетел все семь ступеней крыльчатой лестницы дома лесничего до дорожки, не коснувшись ее. Приземлившись на расстоянии не менее метра от крыльца, на свою солидность, парламентар с трудом встал. Потирая ушибленное место ладонями, кряхтя и охая, посетитель собрал разлетевшиеся дензнаки еще не потерявшей своего величия страны. Удалился, неестественно прихрамывая на обе ноги.

В последствии, облеченный властью, незадачливый проситель не высиживал на совещаниях и десяти минут. Брал слово, говорил всегда стоя или удалялся, ссылаясь на чрезмерную загруженность работой. Совещания в собственном кабинете проводил, как правило, расхаживая походкой старого морского волка. широко расставляя ноги, не более пяти минут всегда, по

существу. Данное обстоятельство, как ни странно, положительно отразилось на работе всего возглавляемого им отдела.

Выждав некоторое время, направили к Егорычу на разборку местных, спортивного телосложения авторитетов. Упакованные ребята, растопырив пальцы обещали за соразмерную плату объяснить лесничему по понятиям суть притязаний «хороших» людей или «успокоить» его до сговорчивости. Что-то на стрелке пошло не так. К девяти часам вечера по Эменску в направлении ГУВД прострекотал Егоровский мотороллер, с трудом вместивший в свой кузов трех тщательно упакованных оппонентов. Доставив подкрашенный синяками груз до ГУВД, Егорыч вызвал начальника. В его присутствии написал такую сопроводительную бумагу, что в последствии стоило больших трудов «замять» дело.

Возбужденную неслыханной наглостью, алчущую возмездия братву успокоил приехавший на разбор старый сиделец. После его визита местная братва всем на удивление стала уважительно относиться к лесничему. Спортивные ребята стали помогать ему в охране и содержании лесного массива. Причем так рьяно что местные острословы за глаза называли происшедшую с персонажами метаморфозу – «Тимур и его команда».

Попробовали пробить Егорыча с другой стороны, навести справки о личности несговорчивого лесничего, сделали запрос в соответствующие органы. Получили ответ – оставить Егорыча в покое из настолько высокой инстанции, что охота наводить справки, напрочь отпала. Иван Саидович, к тому времени уже при должности, даже не комментировал, лишь руки развел.

Все течет, все меняется. Высокий покровитель отошел в мир иной. Буря перемен, разразившаяся над страной, меняя ценности, людей, захватила Эменск.

С год назад Егорыча нашли на окраине города с проломленной головой. Орудие преступления, завернутый в газету «Аргументы и факты» кусок 32 арматуры, валялось рядом. Как водится, в таких случаях, поставили на уши не то что город, всю область, но никого не нашли. Егорыча отправили на лечение в столицу. Не смотря на все старания лучших специалистов госпиталя, вправить мозги дюжему лесничему не удалось.

Потеряв своего защитника, роща стала лакомым кусочком приватизируемой родины. Клин, врезающийся в город с большим гаком, тут же отмежевали. Соблюдая необходимые формальности, передали в муниципалитет. Практически, сразу нашлись хозяева, готовые приватизировать и обустроить никчемный кусок рощи «во благо» жителей города. Вновь созданное предприятие, открытое на «Пупкина» и «Попкина» с долевым участием 50/50, за спинами которых стояли директор Горторга Эменска Иван Аронович и прокурор одного города Иван Саидович, озаботилось благоустроить территорию. Предприятие сулило нешуточными барышами новым хозяевам забытого богом куска земли с вековыми соснами, мешающими своими вечно падающими иголками да шишками нормальной жизни горожан.

Уединившиеся от общества для обсуждения деталей совместного предприятия в бильярдной, партнеры спокойно обсуждали предполагаемые инвестиции в проект. Финансирование по умолчанию возлагалось на Ивана Ароновича. На бильярдном столе разложили только что полученный, размежеванный план застройки. На самом пике клина, любовно прижавшись друг к другу соседствовали по гектару с лишком участка компаньонов под личные коттеджи.

Вдруг, к общему удивлению, на утвержденном синими печатями плане друзья обнаружили на границе своих участков округлую выпуклость, вдавленную в участок Ивана Саидовича. Ущемленный компаньон поднял вопрошающий прокурорский взгляд на оппонента. Иван Аронович вспомнил, что, когда они делили лакомую макушку клина, Саидович своей рукой провел биссектрису из угла клина, линию разграничения их участков. Указал, что выпуклость, ни что иное, как след его собственного пальца, прижимавшего линейку. Прокурор с профессиональной щепетильностью заметил, что попавший под карандаш палец – недоразумение, а на бильярдном столе лежит документ. Иван Аронович пожимал плечами такой нелепости, осмат-

ривая разбитый на пронумерованные участки общий план застройки. Их участки, оказавшись в центре города, не занимали и пяти процентов всей площади отхваченного клина.

Дело бы кончилось как обычно: по 50 грамм коньяка довоенной выдержки на брудершафт, но, видимо, ранее было выпито слишком много. Может выдержка выпитого пошла не соответствовала моменту, решение данного вопроса перешло в иную плоскость. Иван Саидович, представив себя в собственном кабинете, потребовал ответа, присовокупив к вопросу пару непечатных выражений с интонацией, оскорбившей старого друга. Иван Аронович смятенно рассматривающий план, более думая о несурзности межи и бестолковости исполнителей, ответил в стиле вопроса, используя нецензурную лексику. Саидовича понесло. Он напомнил, что Ивану Ароновичу без роду и племени, приехавшему по распределению технологом на химзавод, неслыханно повезло познакомиться с ним, Иваном Саидовичем. Который тогда в составе следственной группы проводил следственные действия на заводе по поводу выброса хлора, отравившее насмерть трех человек, отправившее на больничную койку пол смены рабочих цеха. Саидович отметил, что только благодаря его связям, Иван Аронович был переведен в горком комсомола, затем в горком партии. Исключительно благодаря ему, был направлен в Горторг. Не «сел», покровительствуемый им, как все его предшественники, а сколотил огромное состояние. Отметил, что в противном случае, не факт, что холмик со скромным крестом, означенным его фамилией, не пополнил бы ряды холмиков, в алее химзавода, городского кладбища.

Иван Аронович не согласился, в свою очередь, мотивируя первородностью всех совместных проектов, заложивших основу их финансового благополучия, и, как следствие, карьерного роста Ивана Саидовича. В перепалке, неуместно вспомнив заштопаные штаны оппонента при первой встрече.

Перепалка перешла на личности. Распалившийся Иван Саидович допустил спорное высказывание, касающееся близких родственников Ивана Ароновича. Хозяин, перегнувшись через бильярдный стол, поставленным КМС-овским ударом боксера поставил точку в перепалке, отправив друга в нокдаун. Опрокинув столик с выпивкой, ставшей причиной раздора, партнер впечатался в стенку. К счастью обшитую деревом, крепко приложившись головой. Пребывая в сумеречном состоянии, Иван Саидович, выплюнул на руку окровавленный зубной мост с осколками передних зубов. Вращая глазами, несколько раз шлепнул себя по голой ляжке в месте, где в давние времена бывала кобура. Дальнейшее развитие ссоры пресекли прибежавшие на шум элитные собутыльники.

Далее события развивались стремительно, утром следующего дня Ивана Ароновича на работе поджидали дюжие молодцы с казенными физиономиями. В присутствии понятых извлекли из потайного сейфа, о котором знал обиженный приятель, несколько тугих пачек банкнот. Полкило золотых украшений, в основном, цепи, заколки и кольца. Пару мужских и одни женские золотые часы. Все в фабричных упаковках, хранившееся там на оперативные нужды. Оформив необходимые документы, двинулись к предусмотрительно окованному наручниками дебоширу домой.

Обыск с пристрастием дома Ивана Ароновича обещанных результатов не дал. Кроме небольшой суммы наличности, скромного запаса золотых украшений супруги Елизаветы Федоровны, серебряных столовых приборов и трех картин сомнительной ценности ничего не нашли. Присовокупив к изъятому два массивных подсвечника старой бронзы, удалились, прихватив с собой окованного хозяина.

По наущению Ивана Саидовича, неудовлетворенного результатами изъятых, тщательно обыскали дом. Затем дачу, пристройки, квартиру сына, оздоровительный комплекс, уделив особое внимание кабинету. Прошли с миноискателем. Простучали каждый сантиметр поверхности, вскрыв спорные места, изрядно попортив стены, полы, а кое-где потолки. Перекопали участки дома и дачи, но более ничего не нашли.

Иван Саидович неистовствовал. Проживающий в коттедже-дворце с прислугой. Выстроеном и содержащимся на средства, получаемые от компаньона, он знал. Изъятые не составляют и сотой части казны приятеля, в которой была и его, пусть небольшая часть.

Влиятельный сват, пытаясь уладить конфликт, получил от Ивана Саидовича такой ответ, что, используя свои связи, оформил перевод зятя от греха подальше в другую область. Пристроив его на вполне приличную должность своего ведомства.

Виктор Иванович, ни разу не озаботившийся желанием увидеть отца. Перед отъездом взял фамилию жены, став Сомским, отрекшись от родовой – Цилмасов. Мать, известившая о том Ивана Ароновича, поведала, что узник сильно огорчился, но возражать не стал.

Более полугода Иван Аронович был под жестким прессингом. Обладая от природы отменным здоровьем, выдержал, ничего не сказал. На суд привезли худого, осунувшегося с трясущимися руками человека. Знакомые, лишь по глазам, пронзительно зыркающим исподлобья по сторонам, угадали хозяина Горторга.

Получив 15 лет строгого режима с конфискацией имущества, Иван Аронович отбыл в места не столь отдаленные. Добротный дом с мансардой, доставшийся Елизавете Федоровне в наследство от родителей, предусмотрительно оформленный на нее, остался.

3.

Иван Аронович отсидел отмеренный срок от звонка до звонка. На зоне, окрещенной в народе славным птичьим именем «Черный лебедь», новоиспеченному сидельцу пришлось не сладко. Если с местными обитателями относительно быстро наладились нормальные отношения, даже авторитет, то с администрацией были бесконечные проблемы. Следствие влияния злопамятного друга, не оставлявшего его своим вниманием. Далеко не самым худшим испытанием для узника было шизо.

Более десяти лет, он не видел супруги. Вплоть до того, как нашли бездыханного Ивана Саидовича на тайной квартире, в постели со следами помады на теле и туго затянутыми дамскими колготками на шее. С того времени Елизавете Федоровне, искренне любящей мужа и приезжавшей к нему за тысячу километров ежемесячно, ни разу не отказали в свидании. Впервые они имели возможность прижаться друг к другу.

Под конец отмеренного срока Елизавета занемогла, Иван Аронович, прижимая к груди посветлевшую головку обожаемой супруги, велел больше не приезжать. Сказал, дожидаться дома, обещая по скором возвращении отвезти ее к лучшим докторам в лучшую больницу. Просил только дождаться его, но за неделю до освобождения получил известие о ее смерти.

Никем не встреченный Иван Аронович направился на железнодорожный вокзал. От переполнявших его голову мыслей кровеносный сосуд, наполненный гонимой сильным сердцем кровью, не выдержал, лопнул. Вдохнувший вольного воздуха освободившийся узник был найден на лавочке, сраженный инсультом. Парализованного пациента с билетом и справкой об освобождении разместили в надежде на скорую его смерть в коридоре поселковой обшарпанной больницы. Для порядка, сделали официальный запрос по месту жительства.

Виктор Иванович, не ответивший ни на одно письмо отца, пристыженный отошедшим от дел, но не потерявшим влияния тестем, организовал доставку отца в городскую больницу Эменска. Он по наущению супруги и волей ее отца более двух лет назад был переведен начальником надзорного органа в родной город. Занял вакантное место, сменив в кресле заботливого родственника.

Главврач городской больницы после проведенного тщательного обследования пригласил Виктора Ивановича. Перелистывая листы пухлой папки больничного дела, задерживаясь на рентгеновских снимках, результатах томографии, кардиограммах, вывел неутешительный диагноз. Полный паралич с малой надеждой на восстановление речи, тем более движения. Подсказал Еренский пансионат для дальнейшего содержания.

Сопровождаемый главврачам Виктор Иванович проследовал в палату своего родителя. В просторной светлой палате, соответствующей статусу пациента, опутанный проводами, подключенными к стойке с разнообразными мигающими приборами, под капельницей лежал Иван Аронович. Впервые с момента возбуждения следствия, сын увидел своего отца. С трудом признал его в иссохшем обездвиженном теле. Лишь цепкие глаза не вызывали сомнений.

Сопровождаемый неотрывным пронзительным взглядом живых глаз, Виктор Иванович подошел к изголовью отца. Буря эмоций, бушевавшая во взгляде Ивана Ароновича, не находя выхода, пустила скупую мужскую слезу родителя. Повинуясь сыновнему порыву, Виктор Иванович достал платок и аккуратно промокнул отеческую слезу. Постояв некоторое время, снедаемый пронзительным взглядом, удалился, не в силах выдерживать красноречивый, бессловесный укор.

Исполняя сыновний долг, Виктор Иванович, лично выехал в Еренск для оформления родителя в пансионат.

Сие заведение, располагалось за городом в живописном месте изгиба речки Уклюйки. Огражденный участок с добротным одноэтажным главным корпусом в виде буквы «П» на 120 койко-мест и прочими хозяйственными постройками. Ровные асфальтированные дорожки меж разросшихся берез и сосен, связывали строения и большую парковку для автомобилей. Сие заведение, в недавнем прошлом противотуберкулезный диспансер, приватизировала по случаю расторопная заведующая Горздравотделом.

В кабинете заведующего пансионата «Родник», сына вышеуказанной дамы, бойкого малого с бегающими глазками, представившегося Сергеем Николаевичем, визитеру была представлена калькуляция. Представленный прейскурант дополнительных услуг, в совокупности с первоначально означенной стоимостью размещения пациента втрое превысил сумму месячного содержания, ощутимо урезая семейный бюджет заботливого сына. Возмущенному несоизмеримым увеличением стоимости содержания своего отца Виктору Ивановичу был предложен другой прейскурант, с разбивкой по категориям. Выбрав далеко не самый дорогой, он тем самым снизил стоимость содержания вдвое от озвученной жуликоватым заведующим. Подписавшему договор Виктору Ивановичу было предложено скрепить договор водкой «Столичной», из старых запасов. Сергей Николаевич, извлек бутылочку из серого сейфа за своей спиной. Окончив все формальности, заботливый сын перед отъездом зашел в палату проститься с отцом.

Ивана Ароновича разместили на койке у рукомойника в четырехместной, не так давно отремонтированной палате, со специфичным неприятным запахом. Обитатели палаты преклонного возраста с интересом рассматривали солидного гостя, сидя на своих койках. Один тщедушный старик даже встал, подойдя шаркающей походкой, представился Львом Михайловичем, протянув сухую горячую руку. Немного постояв у кровати под испепеляющим взглядом отца, Виктор Иванович отбыл из пансионата, снедаемый противоречивыми чувствами.

По прошествии двух лет произошло громкое ЧП в далеком городе. Там пожар уничтожил подобное заведение с его постояльцами. Волна репрессий, обычное следствие подобных происшествий прокатилась по стране, зацепив пансионат «Родник». Позвонил заведующий пансионатом Сергей Николаевич. Напомнив о тяжелом бремени содержания отца, взятом на себя достойным уважения сыном, пожаловался на проблемы со смежниками его ведомства. Учитывая должность и возможности Виктора Ивановича, просил урегулировать вопрос со своими коллегами другой области на взаимовыгодных условиях.

Извещенная о предложении, Наталья Викторовна, воодушевившись снятием дополнительного финансового бремени с их семейного бюджета, тут же собрала мужа в дорогу. Наказала звонить в случае несговорчивости его коллег для подключения своего папочки.

В Еренске все сложилось, как нельзя лучше. Радужно встреченный коллегами Виктор Иванович сначала в ресторане, затем в сауне выяснил общность интересов и финансовые

выгоды тесного взаимодействия ведомств, двух областей. В течение трехдневного кутежа, решил свой вопрос, заручившись поддержкой в ответ на собственные обещания. Довольный собою Виктор Иванович перед отъездом заглянул в пансионат.

Добавивший солидности, слегка располневший заведующий встретил его у входа, помещенного недавно обвалившейся с угла штукатуркой. Проводил в свой кабинет, где они отметили благополучный исход дела извлеченным из вделанного в стену черного сейфа, хорошим армянским коньяком. Сергей Николаевич похвастал отменным содержанием папаши гостя, исключительно благодаря которому у его отца восстанавливается речь. К собственной заслуге отнес что, пациент уже может слегка качать головой и двигать пальцами. Виктор Иванович прервал излияния собеседника, испросив обещанные изменения содержания пациента. Заведующий стрельнув глазами по сторонам, заверил собеседника о безусловном изменении категории важного постояльца на самую высокую. О переводе уже с завтрашнего дня его отца в одноместную ВИП палату с только что оконченным ремонтом. Виктор Иванович, воодушевленный прошедшей встречей с коллегами, вторично прервал излияния заведующего, огласив свои условия. Категория содержания, это хорошо, но за его покровительство и дальнейшие решение некоторых вопросов он, памятуя об отце, пребывающем в пансионате, денег с Сергея Николаевича брать не будет. Соответственно с сегодняшнего дня содержание в пансионате его родителя должно быть бесплатным. Припертый аргументами, заведующий пожевал губами. Наполняя стаканы, напомнил о непомерно высокой стоимости содержания неходячих пациентов, тем более, парализованных. Вылив в себя благородное содержимое стакана, Виктор Иванович громко поставил стакан на стол, подводя итог.

В завершение встречи обнадежил посильной помощью в благоустройстве заведения. Хлопнув по плечу заведующего, присовокупив к обещанию визитку с грозным наименованием ведомства, облагороженную гербом золотого тиснения. Проследовал для порядка в палату к своему отцу.

В палате мало что изменилось, лишь неприятный запах, как показалось, усилился Отец его лежал на койке у окна, сидящие на койках престарелые постояльцы с интересом рассматривали солидного посетителя. С койки напротив Ивана Ароновича поднялся знакомый старик и протянул сухую горячую руку, посетовав гостю о долгом его отсутствии. Отец слегка наклонил голову, впившись взглядом в сына. Пальцы рук, лежащие на укрывающей его простыне, подрагивая, нервно комкали простыню.

– В-в-вик-тор, при-ш-шел т-таки, – произнес, слегка двигая губами, Иван Аронович.

– Здравствуй-те, – не нашел, что ответить под пристальным взглядом сын.

Нависла пауза, заполненная словоохотливым Львом Михайловичем.

– У соседа деньги кончились, так я на его место Ивана перетащил. Занимаемся мы с ним, я ему массажики делаю, пальчики мну, шейку мы с ним разрабатываем. Видишь, уже пальчики шевелятся, и голову сам держать может. Трохи заикается, но это от волнения, он вас давно ждет, хочет поговорить, да я не знал, как с вами связаться...

– Почему мать не с-сберег, – требовательный голос со знакомыми Виктору Ивановичу нотками прервал монолог соседа.

– Рак, что я мог, в три месяца сгорела. Я, когда узнал, она уж при смерти была, – пытался оправдаться сын.

– Т-так, ты и ее заб-бросил. Ч-что, раз в п-полгода навещал? Или еще реже? – разглядывая краснеющего на глазах сына, добавил. – Ну!? Г-говори, че замолк?

– Ну, понимаешь, работа, командировки, то-се, не всегда выкроишь время. Но я каждый месяц старался, когда получалось, заскочить. Да, кстати, звонил почти каждую ...

– Не т-таракти. Звонил. Он звонил, – выдержав паузу, о чем-то раздумывая, продолжил, – из тюрьмы вышел и отсюда в-выйду, дом п-продавать не смей, в-выйду буду там жить, – вперив пристальный взгляд в сына, спросил требовательно, – понял? – продолжил, увидев положи-

тельный кивок испрашиваемого. – Т-теперь иди, в-видеть тебя более сегодня не хочу, завтра п-придешь, – отпустил его, переведя цепкий взгляд на потолок, повелительно добавил, – иди.

Виктор Иванович, повинувшись забытым чувствам, вселяемым властным отцом, как в прошлые времена, попятился задом от кровати. Уже перед дверью развернувшись, на цыпочках, молча вышел из палаты, запнувшись о край приподнявшегося, взлохмаченного линолеума на стыке, выхода в коридор.

Подойдя к служебной Волге с дремавшим водителем, злобно пнул колесо, пребольно ушибив пальцы ноги. Плюхнулся на сиденье рядом с насмерть перепуганным водителем, приказав двигать в гостиницу. По дороге к месту назначения запищала рация, жена по служебной связи, сетуя на паршивую сотовую связь «Юнисел», интересовалась успехами и причиной задержки. Супруга, своим голосом вывела Виктора Ивановича из магнетической оторопи свидания с отцом. Отчитавшись, известил ее о выезде домой, воткнул трубку радиостанции в гнездо. Поклявшись себе более не встречаться с отцом, перенаправил водителя домой, в Эменск, круто изменив свою судьбу.

4.

Устроившись поудобнее на заднем сиденье прохладного салона Виктор Иванович отогнал от себя навязчивый образ умершего родителя, вперившего в него свои остекленевшие глаза. Под шелест шин несущейся по дороге домой «Камри» он корил себя последними словами за уступчивость супруге и решение продать отчий дом. Неоднократно пересчитывал количество дверей, припоминая ручки, получалось шесть, по две на каждой плюс две на кладовках итого четырнадцать.

Вспомнил, улыбнувшись прозорливости отца, как следователи, проводя бесконечные обыски, шкрябнули для верности несколько ручек с целой позолотой ножом. Обнаружив под позолотой серый дешевый металл, более к ним не возвращались, старательно вода миноискателем по стенам. Прикидывал навскидку стоимость означенного наследства, цифра получалась внушительной, не считая главного бонуса, скрытого в доме, точного места которого он узнать не успел. Всю дорогу, собирая ребус из последних слов отца, гвоздем запечатлевшихся в памяти, – «в коло..., под кры..., тру..., в тру... пшш, там..., все там...». ВСЕ ТАМ! Мучимый вопросами что? где? и сколько? он не сомкнул глаз всю дорогу. В первом часу ночи на подъезде к городу оторванный от своих мыслей опасным маневром водителя, который резко тормознув вильнул, встряхнув пассажира. Вывел его из состояния задумчивости, объезжая припозднившуюся телегу груженую сеном с дремавшим возницей. Попеняв водителю на невнимательность, вознице залившему глаза, прущемуся по среди дороги без габаритов и освещения, указал проехать по улице Кедровой. Виктор Иванович, изнывал желанием скорее увидеть отчий дом, хоть из окна автомобиля, сильно переживая о его сохранности.

Улица Кедровая потеряла свой статус, оказавшись на окраине после застройки клина роши, упомянутой ранее, коттеджами, многоквартирными домами, торговыми, торгово-развлекательными центрами и прочим. Границы города скруглились дальнейшее развитие пошло в сторону безжалостно пожираемого заповедника, статус которого сохранялся номинально для удобства пользования и вывода по кусочку его территории. Кроме того, близость Кедровой к железной дороге, по которой пусть значительно реже, но грохотали проходящие составы, доносились приносимые ветром команды диспетчеров и гудки маневрового тепловоза, привлекательности ей не добавляла. Люди состоятельные потихонечку перебрались, отстроив дома, в другой район, освободив место для разной публики, что, безусловно, отразилось на стоимости недвижимости и содержании инфраструктуры данного района.

Переваливаясь на ухабах частью полностью слезшего покрытия знакомой улицы, освещенной лишь редкими фонарями, установленными хозяевами для освещения подъезда к собственному дому, Виктор Иванович жадно впился глазами в отчий дом. Попросил водителя

ехать медленнее. Дом сохранил свои черты на сколько удалось рассмотреть в скрывающей его темноте. Блестела отраженной луной лужа перед домом от прошедшего дождя, ранее уходившая в канализацию, явно забитую, с кинутой в нее доской для прохода. Огражденный штакетником палисадник перед домом, массивные деревянные ворота с врезной калиткой, стена сарая и гаражные ворота, заросшие бурьяном – все говорило о запущенности. Виктор Иванович, провожая взглядом дом, до боли вывернул шею, не отводя взгляда от дома, пока темень не поглотила его. Со вздохом облегчения выпрямился, покрутил головой, разгоняя кровь в шее, успокоился мыслью о целостности наследства.

У подъезда свечки отпустил водителя на три дня до дальнейших распоряжений с указанием не появляться на работе и в городе. Подобное случалось довольно часто и смутило водителя лишь тем, что подобное распоряжение, он получил у подъезда собственного дома начальника.

На кухне за поздним ужином Виктор Иванович рассказал все события включенной со сна супруге, окончательно проснувшейся с первых слов о наследстве. Более мужа сведущая в стоимости украшений, она прикинула, навскидку. Получилось только алмазов по самым скромным подсчетам с означенным весом и чистотой было многим более, чем на два миллиона в твердой валюте. Это не считая мелочи, золота и главного бонуса. С минуту они смотрели друг на друга, союз был заключен.

Супруга старательно вписала последние слова усопшего, для верности продиктованные супругом по буквам в принесенную тетрадку.

Наталья Викторовна Сомская, была единственной дочерью в семье служащих. В расшатавшемся обществе, в силу занимаемой должности и влияния ее отца они были сразу причислены к высшей касте, где ее отец сошелся с самым богатым человеком Эменска, Иваном Ароновичем. Дружба крепла, подогреваемая проектами и связями Ивана Ароновича, который, смекнув о перспективности приятеля, предложил упрочить дружбу, породнившись семьями. Сомский согласился, желая пристроить свою ветреную дочь, вошедшую во вкус обладания денег при полном отсутствии контроля вечно занятых родителей.

Виктора Ивановича отец известил о своем решении, принятом безропотно безвольным сыном, в отличие от разбалованной суженой. Согласия добилась Сомская старшая. Статная дама, добавившая с возрастом своей привлекательности. Она объяснила, уединившись с дочкой в комнате, что брак и любовь – разные вещи. Выйдя за мешковатого, забитого, но при том единственного сына папаша, который деньги лопатой гребет, она может использовать и сына, и деньги по своему усмотрению. Намекнула при том, каким местом она заработала свое место начальника отдела при администрации города, собственно и место мужу.

Свадьбу отыграли с размахом. В гостях значились заметные персоны, живую музыку обеспечивали популярные исполнители, приглашенные финансовым спонсором мероприятия Цилмасовым старшим. Иван Аронович, в довершение положил на свадебный разнос ключи от трехкомнатной квартиры в новом доме. Подошел к столу с дарами в обнимку со своей женой Елизаветой Федоровной, робко положившей на разнос ключи от престижной в то время ВАЗ 2109.

В последствии Наталье Викторовне не пришлось раскаиваться в следовании совету своей матери. Получив управляемого безропотного мужа, какое-то время жила в свое удовольствие до известных событий. Набравшие над молодым семейством тучи в связи с делом Цилмасова разогнал переводом мужа в другую область ее отец.

Находясь в изгнании, оторванная от привычного общества, она крепко задумалась. Теперь ее муж носил ее фамилию, к ней пришло осознание ответственности за честь своей фамилии. Детей из-за грехов молодости она иметь не могла, прошла дополнительно обследование. Получила диагноз – только суррогатная мать, трезво рассудив, что уже имеет ребенка, рожденного не самой, взялась за своего мужа. Наталья Викторовна в три года вылепила из

податливого материала вполне приличного руководителя. Используя собственные чары и отчасти влияние отца, двинула его по служебной лестнице. К слову сказать, Виктор Иванович, имея от родителя хорошие задатки, быстро вошел во вкус.

К концу 13-летней ссылки, поднаторев, скорее сам в силу профессиональных качеств стал заместителем начальника, с коей должности и был переведен в город Эменск. Занял вакантное место, освобожденное так кстати тестем, в связи с выходом на пенсию. Посадив мужа на место с отлаженными финансовыми потоками, Наталья Викторовна тут же нашла способ их легализации. Вложила в дело, открыв салон элитной одежды в магазине, приватизированном по случаю ее родителями. затем еще один арендовав приличную площадь в новом торгово-развлекательном центре.

Увлечшись бизнесом, она перестала смотреть за собой, расплнела и к своему ужасу отметила, что теперь за мимолетные увлечения платить приходится ей. С удивлением обнаружила, что бесконечные шашни мужа, не трогающие ее ранее на фоне собственных похождения, стали ее уязвлять. Наняла администратора, загрузив делами своих магазинов, кинулась во все тяжкие. Прокутив целое состояние на курортах мира, она зависла в кресле своей квартиры у телевизора, оставив для редких встреч молодого альфонсика на содержании. Дела в магазинах, подпитываемых потоками из кабинета мужа, шли хорошо, пройдя путь от закупки до покупателя, сама она до копейки сводила ежемесячные отчеты, изредка заезжая в офис. Большую часть времени проводила с подругами или у телевизора, все более заполняя собою кресло. Еще не зная зачем, наняла частное сыскное агентство для слежки за мужем. Первый отчет, особенно фотографии ее сильно задел, и она на неделю укатила со своим альфонсиком на Бали. Последующие цепляли меньше, а потом и вовсе стали веселить практичную супругу, потихоньку собиравшую досье на мужа-сына.

Сейчас, складывая шараду из предсмертных слов, Наталья Викторовна нарушила молчание, промолвив задумчиво.

– Так вот куда любимый свекор денежки припрятал.

– Ты деньги подготовила?

– Подготовила, но они пока тебе не потребуются.

– Почему?

– Завтра поедешь один, наплетешь им, что из любви к отцу, ну там с его предсмертной волей хочешь восстановить родовое гнездо. Ну наплетешь еще что-нибудь, пройдешь по дому, посмотри все ли цело, и торгуйся, главное торгуйся до копеек, а то смекнут, что что-то не чисто.

– Я думаю – сразу деньги отдать и все, – уставился на прыснувшую смехом супругу, – а что?

– Надо штук пятьдесят деревянными на аванс. – Прищурившись пристально посмотрела на мужа, – Ты хоть представление имеешь о сделках с недвижимостью?

– Ну-у, скажем так, – Виктор Иванович вспомнил подписываемые им договоры с листом согласований и визой юриста. Всей собственной недвижимостью занималась супруга, давая ему подписать листы согласия, договоры, которые он подписывал, следуя указанию ее пальчика, не вдаваясь в содержание документа, – ну как бы...

– Ладно, поедем вместе, – Наталья Викторовна одарила мужа материнской улыбкой, на следующем листке тетради набросав и затвердив безусловным согласием мужа план дальнейших действий.

5.

Наталья Викторовна, оставив свой роскошный «Мерседес» у ворот коттеджа извлекла из гаража пылящийся «Туарег» мужа с помятым боком.

Виктор Иванович пользуясь услугами водителя или жены совершенно не умел управлять автомобилем. Подаренный супругой в честь юбилея автомобиль, в тот-же день приложил к

дереву, неудачно росшему на повороте к загородному дому. Машину починили, в следующую поездку незадачливый водитель, маневрируя у магазина налетел задом на ограждение сильно повредив подвеску. После ремонта имея несколько положительных опытов эксплуатации своего автомобиля Виктор Иванович очередной раз загоняя «Туарег» в гараж забыл зафиксировать створки ворот. Как следствие, подхваченная ветром массивная воротина оставила глубокий след по всему правому боку въезжавшего автомобиля. Наталья Викторовна на тот момент уже посвященная в истинные потребности супружеского автомобиля ремонтировать его не стала и несчастное авто было предано забвению в гараже коттеджа.

Трезво рассудив, что визит на топовом авто затруднит процедуру торга Сомская, сама уселась за руль помятого фольксвагена. Соблюдая условности для достижения цели своего визита супружеская чета к десяти утра подкатила на ободранном «Туареге» к дому на Кедровой.

При свете дня дом выглядел уныло. Разросшийся бурьян палисадника сдерживаемый поредевшим, облупившимся штакетником частью скрывал закрытые ставнями окна дома. В окнах мансарды нарушая стиль деревянного зодчества нелепо белели новомодные пластиковые окна, установленные новыми хозяевами. Потемневшие дубовые ворота с врезной дверью, давно не крашенная стена мастерской отца, совмещенная с гаражом, лужа перед воротами радости в общую картину не добавляли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.